

Юлия Сергеевна Замараева

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Концепция транснациональной культуры и исследовательская программа культурных исследований Лукаша Шульца

Аннотация. В статье выполнен анализ исследовательской программы профессора Манчестерского университета (Великобритания) Лукаса Шульца. Данная программа основана на принципе транснационализма. Лукас Шульц полагает, что недопустимо проводить культурные исследования по принципу анализа объема культурных феноменов того или иного национального государства. Он считает, что транснационализм заложен в основу культурных исследований. Основные подходы транснационализма: радикальный контекстуализм, опора на сравнительные исследования и девестернизация академической культурологии. Критическое изучение позиции Лукаса Шульца показывает, что некоторые его принципы могут быть освоены в отечественной культурологии, но при этом необходимо избегать тех практик, к которым призывает профессор Шульц и которые основаны на методе позитивной дискриминации. Вряд ли можно добиться адекватной научной модели, если при этом дискриминировать тех или иных ее создателей.

Ключевые слова: культурные исследования, принцип транснационализма, компаративизм, контекстуализм, девестернизация культурологии, Лукаш Шульц.

Yulia S. Zamaraeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

The concept of transnational culture and the cultural studies research program of Lukasz Schulz

Abstract. The article analyzes the research program of Lucas Schulz, a professor at the University of Manchester (Great Britain). This program is based on the principle of transnationalism. Lukas Schulz believes that it is unacceptable to conduct cultural research on the principle of analyzing the scope of cultural phenomena of a particular nation-state. He believes

that transnationalism is at the core of cultural studies. The main approaches of transnationalism: radical contextualism, reliance on comparative studies and dewesternization of academic cultural studies. A critical study of the position of Lukas Schulz shows that some of his principles can be mastered in Russian cultural studies, but at the same time it is necessary to avoid those practices that Professor Schulz calls for and which are based on the method of positive discrimination. It is hardly possible to achieve an adequate scientific model if, at the same time, one or another of its creators is discriminated against.

Key words: cultural studies, principle of transnationalism, comparative research, contextualism, de-westernized academia, Lukas Schulz.

Актуальные исследования современной глобальной культуры разворачиваются по нескольким направлениям. Их анализ позволит выявить не только собственно содержание этих исследований, но и базовые тренды современных культурных исследований, их основную проблематику, что, в свою очередь, поможет выполнить прогностическую функцию, связанную с развитием культурных исследований в современном глобальном пространстве, и сравнить эти процессы с теми, которые сейчас происходят в отечественной культурологии.

К актуальным исследованиям глобальной культуры относится, например, научная статья Лукаша Шульца (рис.1) «Культура транснациональна» (2023), опубликованная в Международном журнале культурных исследований (рис.2). В аннотации профессор Шульц объясняет основные идеи своей статьи и предлагает определенную исследовательскую программу для их распространения в современных культурных исследованиях.

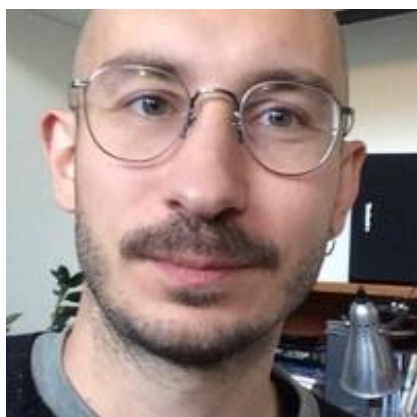

Рис.1 Лукаш Шульц, профессор Манчестерского университета, Школы искусств, языков и культур. Великобритания. Источник изображения: <https://sheffield.academia.edu/LukaszSzulc>

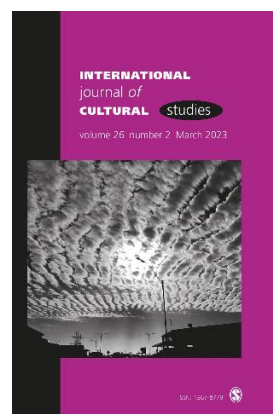

Рис.2. Обложка Международного журнала культурных исследований, где опубликована статья Лукаша Шульца. Источник изображения: <https://journals.sagepub.com/home/ics>

Он пишет: «В этой статье я прошу, чтобы культура была должным образом признана транснациональной со всеми последствиями транснационализма, включая культурную мобильность, а также культурный империализм и колониальное наследие. Сначала я утверждаю, что у всех нас есть культура и что культура, которую мы все имеем, всегда уже транснациональна. В частности, я призываю к признанию и тщательному изучению контекстуальной специфики доминирующей культуры, а также к тому, чтобы все культуры рассматривались как временные совокупности многочисленных и запутанных масштабов, взаимодействующих друг друга. Затем я предлагаю некоторые методологические, этические и политические предложения для продвижения действительно транснациональных культурных исследований, включая радикальную контекстуализацию культуры, использование сравнительных исследований и девестернизацию научных кругов. В заключение я призываю к радикальному включению транснационализма в культурные исследования; универсальное признание культуры как транснациональной и всеобщее участие в транснациональном ощущении места в исследованиях культуры» (С.3).

Во введении к основному содержанию профессор Шульц обозначает те обстоятельства, как жизненные, так и академические, которые побудили его обратиться к теме транснациональности культуры:

«Уже в самом начале моей докторской программы мне стало удобно описывать себя как специалиста по цифровым медиа, специализирующегося на критических и культурных исследованиях на стыке гендера, сексуальности и транснационализма. Хотя критические исследования и культурологические исследования не совсем одно и то же, для меня — и для многих других ученых тоже — они неразрывно связаны. Занятия культурологическими исследованиями выражаются в определенных обязательствах, которые включают в себе особый подход и чувствительность в отношении науки. Для меня это означает сосредоточение внимания на обычных людях и повседневной жизни с учетом вопросов идентичности, производства и властных структур. Это также означает критическое отношение, задавание вопросов о том, что считается само собой разумеющимся, а чего не хватает, кого включают и исключают, где, когда и при каких условиях. Наконец, заниматься культурными исследованиями означает использовать качественные методы, которые позволяют подробно описать, принимать активистскую ориентацию, ориентированную на социальные изменения, и практиковать саморефлексию для тщательного изучения собственной позиции.

Хотя мне было относительно легко определить, что значит заниматься культурными исследованиями, определить объект моего исследования оказалось труднее. Культура —

такое заманчивое и такое запутанное понятие. Что мы понимаем под «культурой» в культурологии? Говорим ли мы об одном и том же, когда говорим о массовой культуре и американской культуре, причем последнюю чаще всего грубо сводят к США? Или, когда мы говорим о цифровой культуре, квир-культуре, отмене культуры, культурных войнах и культурном присвоении? Возможно, нет.

Но в какой-то степени и да. Рэймонд Уильямс предложил одно из самых популярных определений культуры, предположив, что оно «указывает на особый образ жизни, будь то народа, периода, группы или человечества в целом». В этом смысле мы можем думать о культурах во множественном числе как о различных образах жизни определенных групп, разделяющих некоторые убеждения, ценности или обычаи. Это определение имеет смысл для большинства случаев использования культуры в только что приведенных примерах, причем цифровая культура, вероятно, является наиболее спорным случаем, поскольку такая формулировка предполагает, что жизнь онлайн и оффлайн в значительной степени не связаны.

Есть и другой способ определения культуры. Погуглим это. Следуя за учеными, которые обращаются к Google, чтобы пролить свет на коннотации определенных слов и фраз — от «прав» до «черных девочек», — 11 августа 2022 г. я погуглил слово «культура», соотносясь с его визуальными представлениями. В результате часто получаются красочные изображения, на многих из которых изображены самые разные люди (например, группа, держащаяся за руки, стоящая вокруг земного шара), языки и флаги, а также люди в традиционных костюмах (некоторые подписи гласят: «Танцоры Дня культуры в Нагое, Япония»), «Фестиваль Джоши в племени калашей в Пакистане», «Женщины ома в головных уборах»). Идея «культуры» дает нам объяснительную силу, но также активизирует стереотипы и упрощения. Результаты моего краткого поискового упражнения показывают, что в культуре есть что-то транснациональное, что в ней участвуют люди со всего мира, она красочна и разнообразна. В то же время результаты отражают властные структуры, в частности экзотизацию незападных культур и эксноминацию белых людей, которые обычно появляются на изображениях не в одиночестве, а только с людьми других рас и национальностей, как бы сами по себе - у них нет культуры.

Случайное отождествление культуры с национальными, этническими или расовыми группами меньшинств раскрывает преобладающие западно- и ориентированные на белых концепции культуры.

В этом выступлении я прошу, чтобы культура была должным образом признана транснациональной со всеми последствиями транснационализма, включая культурную мобильность, а также культурный империализм и колониальное наследие. Идея

транснациональности культуры не нова. Его можно проследить до некоторых работ, считающихся классическими в культурологии, по крайней мере, с западоцентристской точки зрения. Одним из примеров является редакционная статья в первом номере этого журнала, где Джон Хартли объясняет, что «культура и СМИ были организованы как международные отрасли на протяжении десятилетий», подчеркивая, что журнал «заинтересован в изучении международных аспектов культуры».

Другим примером является книга «Doing Cultural Studies» — для многих эталон проведения культурологических исследований, — в которой предлагается анализ Sony Walkman как транснационального феномена. И все же национальная шкала остается самой популярной структурой в медиа и культурных исследованиях, а также во многих других дисциплинах гуманитарных и социальных наук, в то время как культура, привязанная к месту, по-прежнему остается незамеченной во многих исследованиях медиа, особенно тех, которые основаны на англо-американских контекстах и использовании аналитики больших данных и цифровых методов. В дальнейшем я утверждаю, что культура является транснациональной, подчеркивая, что у всех нас есть культура и что ни одна культура не является чистой, прежде чем предложить некоторые предложения для действительно транснациональных культурных исследований» (<https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/13678779221131349>).

Таким образом, профессор Шульц полагает, что рассматривать культуру через национальные различия нельзя и что именно такой подход в культурных исследованиях прямо или косвенно способствует и культурному империализму, и культурному колониализму. Пропуская ряд его аргументов, скорее, теоретического, чем практического свойства, рассмотрим его предложения по исследовательской программе транснациональных аспектов культуры.

«Признание того, что у всех нас есть культура, которая всегда уже транснациональна, влияет на то, как мы проводим культурологические исследования. В этой части я предлагаю некоторые методологические, этические и политические предложения, которые могут помочь нам продвигать действительно транснациональные культурологические исследования. Я сосредоточен на радикальной контекстуализации культуры, использовании сравнительных исследований и девестернизации научных кругов. Конечно, этот список не является исчерпывающим и отражает мои личные и академические интересы. Как показали другие авторы этой серии, список можно расширить за счет призывов к более активным и менее белым культурологическим исследованиям, основанным на эмпирическом исследовании реально существующих культур и жизненного опыта и имеющим футуристический взгляд на такие неотложные вопросы — и,

действительно, транснациональные – современные вызовы, такие как изменение климата, дефицит демократии, культурные войны и датафикация социальной ткани. Без необходимости говорить абсолютную правду культурные исследования занимают привилегированное положение, чтобы ответить на все многочисленные вопросы, чтобы прийти к лучшему пониманию культурной сложности» (<https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/136787792211313490>).

Таким образом, профессор Шульц делает анонс своей исследовательской программы в области культурных наук, которая, по его мнению, должна идти по пути снижения западной научной методологии и увеличении эмпирических исследований «незападных» культур, жизненного опыта людей, которые представляют этот тип культурного пространства, их представлений о будущем и их позиции по принципиально важным современным вопросам, включая культурные противостояния, изменение климата, процессы цифровых трансформаций, в том числе, в контексте социального управления.

Далее он конкретизирует свою исследовательскую программу, выдвигая ряд направлений исследований культуры, основанных на принципе транснационализма.

1 направление этой исследовательской программы выражается в принципе – **радикальный контекстуализм:**

«Джон Пиклз несколько спорно утверждает, что: «Несмотря на свое название, культурологические исследования никогда не касаются культуры, а касаются социально-гео-исторического контекста».

Конечно, культурные исследования всегда связаны с культурой, но Пиклз справедливо указывает на невозможность изучения культуры вне контекста. Иен Анг идет еще дальше, предлагая радикальный контекстуализм. Она обосновывает необходимость этого, указывая на растущую сложность культуры, где смысл возникает в «мультиконтекстуально детерминированной ситуации». По правде говоря, радикальный контекстуализм — это не утверждение, а наблюдение за состоянием культуры, особенно в постмодернизме; состояние, характеризующееся «вечно расширяющейся контекстуальностью». Анг перечисляет некоторые контексты, которые следует учитывать при анализе культуры, включая нацию и пол, а также «расу, класс, этническую принадлежность, региональное положение, поколение, религию, экономическую конъюнктуру, политический климат, семейную историю, погоду и т. и так далее». Значения культуры не могут быть заданы априори, а могут быть определены только постфактум, посредством медленного анализа, сосредоточенного на специфике культур во множестве взаимосвязанных и взаимозависимых контекстов.

Это легче сказать, чем сделать. Насколько медленным должен быть наш анализ культуры и сколько контекстов мы должны включить, чтобы прийти к радикально контекстуализированной интерпретации?

Анг осознает невозможность рассмотрения «всего контекстуального горизонта» культуры и предлагает перевести это ограничение в возможность и ответственность. Это означает, во-первых, признание радикального контекстуализма культуры и, во-вторых, сознательный и явный выбор конкретных контекстуальных рамок. Выбор может быть обусловлен данными (какие контексты имеют наибольшее значение для моего объекта исследования?), концепциями (какие контексты имеют наибольшее значение с моей теоретической точки зрения?) или политикой (какие контексты имеют наибольшее значение для моих политических убеждений?). Выдвигая последнее на передний план, как предполагает Анг, мы можем превратить «частичные истины» в «установленные истины» культурных исследований. В то время как радикальный контекстуализм обращается ко многим вопросам, поднятым транснациональным подходом к культуре, транснационализм делает нас еще более восприимчивыми к рассмотрению контекстов в множественных и запутанных масштабах и к тщательному изучению контекста доминирующей культуры. Обособление универсального путем превращения привычного в странное является радикальным, потому что контекст доминирующей культуры легко может показаться настолько очевидным, что его не нужно называть, не говоря уже о том, чтобы исследовать» (<https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/13678779221131349>).

Принцип радикального контекстуализма – это принцип конкретизации культурных исследований, который подразумевает, видимо, тщательное описание эмпирической базы исследования, а также учет всевозможных предварительных принципов, которые могли бы повлиять на позицию исследователя. Тем самым позиция исследователя должна быть тщательно отрефлексирована и включена в научный аппарат самого исследования, особенно, в части теоретической интерпретации и обобщения в виде выводов.

Следующий принцип исследовательской программы в духе концепции транснациональной культуры, который излагает профессор Шульц, – это приоритет **компаративистских (сравнительных) исследований**.

«Один из способов, который Энг (1996) предлагает использовать в эмпирических исследованиях с радикальным контекстуализмом, — это заниматься этнографией. Здесь, следуя транснациональному подходу к культуре, я хотел бы подчеркнуть потенциал сравнительных исследований для достижения радикально контекстуализированных идей. Соня Ливингстон напоминает нам, что любой анализ носит сравнительный характер: «Неявно или явно исследования используют концептуальные категории, которые

утверждают различия (будь то с точки зрения нации, социальной группы, института, среды или времени)».

Она объясняет, что суть сравнительного исследования заключается в одновременном выявлении сходств и различий, в то время как Ким-Пури (2005) идет дальше, подчеркивая важность связей между культурами:

«Идея связей заключается не только в выявлении сходств или различий между связанными явлениями. [...] Напротив, цель установления связей состоит в том, чтобы привлечь внимание к сложным, иногда противоречивым и часто неравным взаимосвязям, которые существуют в разных культурных условиях, как бы они ни определялись».

Преимущества хороших сравнительных исследований заключаются, среди прочего, в том, что они не оставляют господствующей культуре места, где можно было бы скрыть свой контекст, и позволяют распознавать общие макроуровневые — по сути, транснациональные — процессы, влияющие на различные культуры, такие как индустриализация, урбанизация или секуляризации, а также колониальное наследие.

Остается вопрос, как выразились Хепп и Коулдри: что следует сравнивать в сравнительном исследовании? Авторы бросают вызов случайному отождествлению наций с обществами в сравнительных исследованиях, поясняя, что национальная шкала действительно может иметь смысл в некоторых исследованиях (например, некоторых медиасистем), но не в других (например, некоторых медиакультурах). Даже если выбор национальной шкалы для сравнения вполне оправдан, все же становится крайне важным объяснить выбор конкретных стран и их количество, имея в виду геополитические и постколониальные структуры власти (например, вопрос о том, каковы последствия сравнения центральных стран с периферийными странами или некоторых периферийных стран с другими периферийными странами). Тем не менее транснациональный подход к культуре требует рассмотрения других масштабов для сравнения, включая районы, города и регионы, а также приграничные территории и языки. При осмыслении культуры как образа жизни также важно придерживаться медийно-ориентированного подхода, поскольку маловероятно, что кто-то сможет прожить свою жизнь, используя только одну медиатеchnологию. Как и в случае выбора контекста для радикального контекстуализма, выбор шкал и единиц для сравнительного исследования должен быть объяснен и осмыслен» (<https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/13678779221131349>).

Здесь предлагается подход, заключающийся не просто в сравнительных исследованиях, но предлагаются критерии для сравнения. Не национальные государства должны сравниваться между собой, а города и территории, не корпус национальных культурных продуктов должен быть сравнен с объемом культурной продукции другого

национального государства, а презентация через культурные продукты каких-то идеологических или макроуровневых принципов.

Следующий принцип, который предлагает профессор Шульц, это активное формирование **«девестернизированного» академического сообщества**.

«Много было написано о ограниченности медиа и культурных исследований, но мало что изменилось. В своей вступительной редакционной статье для этого журнала Хартли признал, что «институциональная база культурологических исследований сильна по оси «тройной А» (англо-американо-австралийской)», утверждение, которое рискует замаскировать альтернативные генеалогии культурологических исследований. Прошло более двух десятилетий, и наши размышления о том, что такое культурология? в этой серии предлагаются в основном теми, кто базируется на Западе, несмотря на усилия редакторов по сбору материалов от ученых из других стран мира. Из 15 участников на сегодняшний день (до середины 2022 г.), включая меня, восемь авторов были связаны с учреждениями в США и двое в Великобритании, а остальные пять авторов связаны с учреждениями в Австралии, Канаде, Швеции, Бразилия или Тринидад и Тобаго. На недавнем аналогичном рефлексивном форуме «Будущее коммуникаций и критических/культурных исследований» все восемь участников имели институциональные связи в США. Авторы обеих серий приносят с собой разнообразный перекрестный опыт, связанный, среди прочего, с их полом, сексуальностью, расой, этнической принадлежностью, родным языком и страной происхождения. Но мы не можем игнорировать тот факт, что большинство из нас живут на Западе, обычно в США, и свободно говорят по-английски. Это ставит нас в привилегированное положение как тех, кто — предположительно и проблематично — «идеально подходит» для размышлений о состоянии культурологических исследований.

Среди множества более или менее очевидных решений, уже рассмотренных другими (в том числе и приведенных в предыдущем абзаце), я хотел бы выделить три положения.

Во-первых, по-прежнему крайне важно, чтобы не только «Остальные» читали Запад, но и наоборот. Некоторые, по общему признанию, несовершенные способы достижения этого заключаются в активизации наших усилий по переводу произведений с разных языков на английский язык, при этом признавая перевод ценной академической практикой, и усилении обучения иностранным языкам в англоязычных учебных заведениях. Хорошим примером является недавний проект переводов AoIR, пилотируемый Ассоциацией исследователей Интернета и возглавляемый Кристал Абидин.

Во-вторых, нам нужно научиться писать по-разному и ценить эти разные виды письма. Книга Глории Анзалдуа (1987) «Borderlands/La Frontera» — прекрасный пример

многоязычного письма, в котором академические эссе сочетаются с личными размышлениями и стихами.

Наконец, нам нужно настойчиво требовать от доминирующей культуры, чтобы она изучала специфику своего контекста, ставила под сомнение центральную роль своих теорий и ценила альтернативные концептуализации и методологии (...)

Мы не можем заниматься по-настоящему транснациональными культурными исследованиями без по-настоящему транснациональных структур производства знаний» (<https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/13678779221131349>).

В терминологии профессора Шульца «девестернизация» академических культурологических исследований, видимо, означает три совершенно конкретных принципа:

1) интенсивное развитие культурных исследований на материале «незападных» стран, прежде всего, в опоре на языки этих стран и на их культурные особенности;

2) включение в разряд объектов и предметов культурных исследований и те артефакты, которые существуют в «незападных» культурах, но, например, отсутствуют в «западных»;

3) выдвигать в качестве критерия «хорошего» научного исследования тщательное описание культурного контекста, на базе которого делается то или иное академическое суждение.

Даная программа представляется интересной. В советский период многие из этих принципов были реализованы в советской культурной и национальной политике. Однако это привело не к транснационализации, а, наоборот, к появлению новых наций, которые составили основу ряда государств на постсоветском пространстве. Возможно, что исход суммы транснациональных культурных практик также может привести к неожиданным для его инициаторов последствиям.

В заключении своей статьи, где провозглашена определенная исследовательская программа современной культурологии в контексте принципа транснационализма, профессор Шульц еще раз указывает на важность этого принципа:

«Культура транснациональна. Сейчас она более транснационален, чем когда-либо, во времена быстрого развития цифровых технологий, активизации культурных обменов и больших миграционных потоков. Культурология не может позволить себе игнорировать этот факт и сейчас, как никогда, должна охватить транснационализм в самой его сердцевине и на всех уровнях: теоретически, методологически, этически, институционально и политически. То, что я предлагаю в этом вкладе, не является совершенно новым. Я показал, как транснациональный подход к культуре, признание того, что у всех нас есть культура,

которая всегда уже транснациональна, берет свое начало в некоторых ранних культурологических работах, считающихся классическими. Чего я прошу, так это радикального учета транснационализма в культурных исследованиях; универсальное признание культуры как транснациональной и всеобщее участие в транснациональном ощущении места в исследованиях культуры. Учитывая «междисциплинарный» или даже постдисциплинарный характер культурологических исследований (Hartley, 1998), это могло бы стать шагом, проникающим в смежные области гуманитарных и социальных наук, включая исследования медиа, которые, возможно, уже остро нуждаются как в культурологии, так и в транснационализме перед лицом датафикации всего и обманчивого очарования аналитики больших данных» (<https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/136787792211313490>).

Подводят итоги рассмотрению исследовательской программы Лукаса Шульца, можно согласиться с ним в том, что данный подход не является радикально инновационным. Его позиция достаточно парадоксальна. Настаивая на транснациональности культурных исследований, он предлагает ряд дискриминационных подходов к т.н. «западной» культурологии и преференции по отношению к исследователям из «незападных» стран (хотя в его статье не называются никакие конкретные страны, можно понять, что речь идет об Африке, Латинской Америке, может быть – Центральной Азии, культуре океанических народов и т.п.).

Некоторые принципы этого «транснационального» подхода можно взять на вооружение и для отечественных культурных исследований. Например, принцип контекстуализма культурных исследований или приоритет компаративистских исследований. Но даже самая «мягкая» дискриминация западной культурологии кажется неприемлемой, поскольку идеалы академических исследований складывались именно здесь. И институции науки тоже существуют именно здесь, поддерживаемые как обществом, так и государством. Возможно, что в будущем принцип транснационализма культурных исследований будет менее радикальным и его позитивная программа выйдет на первый план.

Список литературы

Ang, I. Living room wars: Rethinking media audiences for a postmodern world. – Psychology Press, 1996.

Anzaldúa, G. Borderlands/Lafrontera: The new mestiza. – San Francisco: Aunt LuteBooks. 1987. – 201 p.

Avdeeva, Yu. N. Specifics of Artistic Culture of the Krasnoyarsk Territory (Krai) Based on Artwork Analysis / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, A. A. Shpak // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2017. – Vol. 10, No. 9. – P. 1294-1307. – DOI 10.17516/1997-1370-0137. – EDN ZEZFBT.

Dynamics of Krasnoyarsk Urban Space in the Early 21st Century / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 6. – P. 953-974. – DOI 10.17516/1997-1370-0434. – EDN OYMWLO.

Hartley, J. Editorial (with goanna) //International Journal of Cultural Studies. – 1998. – V. 1. – №. 1. – P. 5-10.

Kim-Puri, H. J. Conceptualizing gender-sexuality-state-nation: An introduction //Gender & Society. – 2005. – V. 19. – №. 2. – P. 137-159.

Kistova, A. V. Forming All-Russian National Identity in the Process of Artistic Image Development. Analysis of the Artistic Painting by Vasily Ivanovich Surikov Boyarynya Morozova / A. V. Kistova, A. V. Kushnareva // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2011. – Vol. 4, No. 12. – P. 1669-1683. – EDN MYWSHZ.

Kolesnik, M. A. Scientific Modelling of Decorative and Applied Arts of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory: Current State and Ways of Effective Development / M. A. Kolesnik, A. A. Sitnikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2017. – Vol. 10, No. 10. – P. 1507-1524. – DOI 10.17516/1997-1370-0150. – EDN ZRBREF.

Overview of Relevant Regional Culture Studies (the Krasnoyarsk Krai): Challenges and Approaches / K. A. Degtyarenko, S. V. Metlyaeva, D. S. Pchelkina [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 8. – P. 1568-1588. – DOI 10.17516/1997-1370-0465. – EDN UEXPPA.

Semenova, A. A. Modern Practices of Foresight Research of the Future of Social-Anthropological Systems, Including Ethnical Cultural Populations / A. A. Semenova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2010. – Vol. 3, No. 5. – P. 667-676. – EDN MUPZWF.

Semyonova, A. A. Visualization of the Concept of "the North" in Fine Arts / A. A. Semyonova, A. V. Bralkova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2011. – Vol. 4, No. 4. – P. 476-491. – EDN NEULHT.

Szulc, Ł. Culture is transnational //International Journal of Cultural Studies. – 2023. – V. 26. – №. 1. – P. 3-15. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/13678779221131349>

The Image of the Yenisei in the Paintings of Krasnoyarsk Artists / A. V. Kistova, K. A. Bulak, N. N. Pimenova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13, No. 6. – P. 891-903. – DOI 10.17516/1997-1370-0613. – EDN VWGXBN.

Ермаков, Т. К. Анализ некоторых тенденций в истории генеративного искусства / Т. К. Ермаков, А. А. Омелик // Социология искусственного интеллекта. – 2022. – Т. 3, № 4. – С. 61-81. – DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-4-61-81. – EDN JYTAQX.

Ермаков, Т. К. Гуманитарные исследования техники: перспективы развития научного направления / Т. К. Ермаков // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 207-214. – EDN OFKRCC.

Ермаков, Т. К. Некоторые особенности организации игрового пространства игр с 2D-графикой жанра платформер с точки зрения взаимодействия между игроком и пространством / Т. К. Ермаков // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 234-243. – DOI 10.17516/1997-1370-0906. – EDN DRLVSP.

Замараева, Ю. С. Анализ понятия "глобальные трансформации". Воздействие глобальных трансформаций на культуру и этническую идентичность (теоретическое исследование) / Ю. С. Замараева // Цифровизация. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 27-40. – DOI 10.37993/2712-8733-2021-2-1-27-40. – EDN XEAVNH.

Замараева, Ю. С. Понятия "нация", "национализм", "национальное государство" как элементы проекта модерна / Ю. С. Замараева // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 36-67. – EDN ACQVQM.

Замараева, Ю. С. Теория, историография и методология исследования феномена миграции в контексте современной философии культуры / Ю. С. Замараева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 600. – EDN STRTPV.

Замараева, Ю. С. Формирование понятия "сложная идентичность" в современных гуманитарных науках / Ю. С. Замараева // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 89-102. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-87-100. – EDN YBRGNW.

Кистова, А. В. Культура как фактор социальной динамики / А. В. Кистова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 100-111. – DOI 10.31806/2542-1158-2020-4-2-100-111. – EDN SABKQD.

Кистова, А. В. Синтетическая модель культуры и культурные практики / А. В. Кистова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 111-121. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-2-109-119. – EDN KLMBSN.

Колесник, М. А. Создание этнокультурной модели мировоззрения в творчестве И. Я. Билибина / М. А. Колесник // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 22-32. – DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-1-22-32. – EDN CLKDNP.

Копцева, Н. П. Культурная память и этническая идентификация / Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко, К. А. Дегтяренко; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-7638-4502-0. – EDN NTSGGY.

Копцева, Н. П. Культурные трансформации: возможности изучения / Н. П. Копцева, Н. Н. Пименова // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 36-44. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-36-44. – EDN ENUIWR.

Копцева, Н. П. Продуктивность гендерного подхода для гуманитарных исследований / Н. П. Копцева, Н. М. Либакова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 400. – EDN PWBCRH.

Либакова, Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления / Н. М. Либакова // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 89-97. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.2.17683. – EDN VIDHCX.

Либакова, Н. М. Культурная апроприация как форма взаимодействия культур / Н. М. Либакова, А. Е. Худоногова // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы, Красноярск, 30 ноября – 02 декабря 2017 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – С. 75-78. – EDN XVKSCS.

Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.

Омелик, А. А. Факторы влияния искусственного интеллекта на творческий процесс / А. А. Омелик // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 52-63. – DOI 10.31804/2712-939X-2023-4-1-52-63. – EDN YTVWUK.

Пименова, Н. Н. «Культурная политика»: концепция Дэвида Белла и Кейт Окли / Н. Н. Пименова, Ю. С. Замаева // Северные Архивы и Экспедиции. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 37-49. – EDN HLDRYJ.

Пименова, Н. Н. Идиот или гений? Как работает и на что способен искусственный интеллект. Рецензия на книгу Мелани Митчелл / Н. Н. Пименова, А. А. Шпак // Социология

искусственного интеллекта. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 71-82. – DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-2-71-82. – EDN DUPHQV.

Пчелкина, Д. Метод интерпретации в социальном и гуманитарном познании / Д. Пчелкина // Социодинамика. – 2015. – № 10. – С. 69-93. – DOI 10.7256/2409-7144.2015.10.16468. – EDN UIPUWT.

Пчелкина, Д. С. Искусство как область конструирования гендера и гендерной репрезентации / Д. С. Пчелкина // Сибирский антропологический журнал. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 21-34. – EDN YNUZKP.

Резникова, К. В. Искусственный интеллект в Американском кинематографе конца XX - начала XXI веков / К. В. Резникова, Е. А. Сертакова, А. А. Ситникова // Социология искусственного интеллекта. – 2022. – Т. 3, № 1. – С. 42-49. – DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-1-42-49. – EDN HZKFIC.

Семенова, А. А. Миграционные процессы в художественных практиках начала XXI века / А. А. Семенова, М. А. Колесник, А. И. Демина // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы : Материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 ноября 2021 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – С. 107-116. – EDN MGEEGO.

Середкина, Н. Н. Научные подходы к понятию "этническая культурная идентичность" / Н. Н. Середкина // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 27–29 сентября 2018 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – С. 176-180. – EDN ZMQJWO.

Середкина, Н. Н. Общероссийская гражданская идентичность как фактор интеграции общества / Н. Н. Середкина // Сибирский антропологический журнал. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 125-135. – DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-2-125-135. – EDN LUYQQN.

Середкина, Н. Н. Цифровизация и лингвистика: актуальный статус исследований / Н. Н. Середкина // Цифровизация. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 25-34. – DOI 10.37993/2712-8733-2021-2-2-25-34. – EDN VVTKNU.

Сертакова, Е. А. "Символический менеджмент" как механизм создания позитивного социального и культурного пространства города / Е. А. Сертакова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1880. – EDN VIFGDL.

Сертакова, Е. А. Вынужденная миграция и ее отражение в кинематографическом искусстве / Е. А. Сертакова, Е. Ю. Авдоница // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 106-116. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.2.17747. – EDN VIDHDR.

Сертакова, Е. А. Социальные системы, модели, трансформации: анализ теоретических подходов / Е. А. Сертакова // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 18-35. – EDN ZUOLQV.

Ситникова, А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы / А. А. Ситникова // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 6-17. – EDN ICEFEC.

Шпак, А. А. Сложные формы идентичности: ПРОБЛЕМЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ / А. А. Шпак, Ю. С. Замаева, Н. П. Копцева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2021. – 248 с. – ISBN 978-5-7638-4503-7. – EDN RSHYFZ.